

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.36>

Свиридова Тамара Михайловна

РОЛЬ СЛОВА 'КОГДА-ТО' В ВЫСКАЗЫВАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И. А. БУНИНА "ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА")

В статье рассматриваются фрагменты неопределенного прошлого времени, которые связаны с воспоминаниями говорящего. Цель работы - определить роль слова 'когда-то' в высказываниях, извлеченных из художественного текста. Полученные результаты показали, что слово 'когда-то' выражает значение неопределенного прошлого времени в высказываниях, в которых маркируется значимость плана настоящего времени, эмоциональная и оценочная составляющие, а также конфигурация пространства. Новизна работы заключается в выявлении особенностей функционирования слова 'когда-то' в коммуникативно-прагматическом аспекте.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/4/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 178-182. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'37; 003; 81'22

Дата поступления рукописи: 16.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.36>

В статье рассматриваются фрагменты неопределенного прошлого времени, которые связаны с воспоминаниями говорящего. Цель работы – определить роль слова ‘когда-то’ в высказываниях, извлеченных из художественного текста. Полученные результаты показали, что слово ‘когда-то’ выражает значение неопределенного прошлого времени в высказываниях, в которых маркируется значимость плана настоящего времени, эмоциональная и оценочная составляющие, а также конфигурация пространства. Новизна работы заключается в выявлении особенностей функционирования слова ‘когда-то’ в коммуникативно-прагматическом аспекте.

Ключевые слова и фразы: высказывание; неопределенное прошлое время; план настоящего времени; эмоциональный компонент; пространственное измерение.

Свиридова Тамара Михайловна, д. филол. н., доцент
Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
kafedra.tirj@mail.ru

РОЛЬ СЛОВА ‘КОГДА-ТО’ В ВЫСКАЗЫВАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И. А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»)

Проблемы семантики остаются одной из значимых областей современной лингвистики. Важным аспектом в этом направлении является исследование фрагмента неопределенного прошлого времени в рамках антропоцентричности. Время, былое, далекое, «расширяет нашу душу, наше личное существование» [4, с. 312]. «С прошлым человек связан памятью, сожалениями и раскаянием, опытом и знанием фактов» [3, с. 688].

Время как сложное явление, как составная часть картины мира представляет интерес с точки зрения языковой модели. Человек мыслит во времени – настоящем, прошедшем, будущем. Время способствует осознанию картины мира, формированию взгляда на действительность. «Фактор времени... играет важнейшую роль в создании модели человека, а фактор человека – в моделировании времени» [Там же].

Вопрос категории времени изучали Н. Д. Арутюнова [Там же, с. 687-736], Ю. Н. Караулов [5], Е. С. Яковлева [11], Н. А. Потаенко [6], Г. В. Снежинская [7], М. Хайдеггер [8], Т. Е. Шаповалова [9] и др. Тем не менее специальных концепций по данной проблеме недостаточно. **Актуальность** темы статьи обусловлена неиссякаемым интересом к категории времени, активностью употребления в языке художественного текста слова ‘когда-то’ и необходимостью исследования его функционального потенциала.

Научная **новизна** данной работы заключается в том, что осуществлено изучение функционирования в высказываниях слова ‘когда-то’, в котором воплощено значимое представление о фрагменте неопределенного прошлого времени, раскрывается коммуникативно-прагматическая специфика реализации неконкретизированного прошлого времени, обусловленная сложной структурой смыслов: планом настоящего времени, эмоциональной составляющей и признаком пространственности.

Практическая значимость статьи определяется тем, что результаты исследования могут быть использованы в грамматических описаниях, в практике анализа лингвистики текста в вузе.

Предметом семантического описания является слово ‘когда-то’ в высказываниях, выражающее значение неопределенного прошлого времени.

Цель работы – определить роль слова ‘когда-то’ в высказываниях, извлеченных методом сплошной выборки из художественного текста И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» [4]. Цель исследования обусловила постановку следующих **задач**: охарактеризовать функционирование слова ‘когда-то’ в высказываниях, установить условия реализации его значения.

В результате анализа языковых фактов, осуществленного с использованием семантических и коммуникативно-прагматических параметров, выявлено, что значение неопределенного прошлого времени реализуется в высказываниях, в которых актуализируются план настоящего времени, эмоциональные и пространственные репрезентанты.

Степень достоверности результатов определяется достаточным количеством проанализированных высказываний, включающих слово ‘когда-то’; использованием адекватных поставленным цели и задачам методик анализа, позволяющих осуществить семантическую интерпретацию избранного материала; привлечением трудов, связанных с проблемой исследования.

В зависимости от структурно-семантических свойств высказываний рассмотрим показатели функционирования слова ‘когда-то’.

1. Говорящий оценивает события прошлого времени с учетом настоящего.

В модальной ситуации в контексте прошлого и настоящего времени одно и то же событие воспринимается неоднозначно. Прошлое для говорящего находится в коммуникативном фокусе, оно анализируется, на нем сосредоточивается внимание. Фрагмент прошлого (маркер ‘когда-то’), связанный с определенным образом, идеализируется и наделяется говорящим положительными характеристиками, которые не вписываются

в реалии настоящего времени (маркер 'теперь'). Если тогда образ вызывал «благоговение», то теперь такое отношение является невозможным:

«*Теперь* ведь и представить себе невозможно, как относился *когда-то* рядовой русский человек ко всякому, кто осмеливался “идти против царя”, образ которого, несмотря на непрестанную охоту за Александром Вторым и даже убийство его, все еще оставался образом “земного бога”, вызывал в умах и сердцах мистическое благоговение» [Там же, с. 337].

В ситуации прошлого времени (маркер 'когда-то') актуализируется желание реализовать заданный высокий потенциал, обнаруженный в поведении субъекта речи: в словосочетании 'блестящая будущность' заключена усиленная положительная степень оценочности. В ходе положения дел в настоящем времени (маркер 'теперь') исполнение действия характеризуется сниженной оценочностью. Компонент с оценочной коннотацией 'захолустье' изменяет критерий оценки, уменьшает ее значение и вносит отрицательную составляющую. Идея, заложенная в плане прошлого, не совместились с планом настоящего:

«...все *когда-то* были убеждены в его блестящей будущности, он и сам был в ней убежден, *теперь* вполне довольствовался той ролью, которую играл в этом малорусском захолустье...» [Там же, с. 507].

Характер действий прошлого времени влияет на формирование деятельности говорящего в настоящем. Действие, совершенное в прошлом (маркер 'когда-то'), расценивается как достижение предела нормы в сложившихся обстоятельствах. Компонент 'даже', занимающий препозицию в конструкции, указывает на значение давнего, неопределенного времени. В настоящем времени (маркер 'теперь') та деятельность уже не актуальна (ср.: 'лиру оставил в покое') для говорящего в силу объективных причин – изменилось положение дел (ср.: 'не до нее', 'таланта мало'):

«Я ведь, с позволения сказать, тоже поэт. *Даже когда-то* книжку выпустил. *Теперь*, понятно, лиру оставил в покое, – не до нее, да и таланту оказалось мало...» [Там же, с. 393].

Те или иные черты образа жизни, сформированные в прошлом, оказываются приемлемыми в действительности настоящего времени. Модель прошлого (ср.: 'жил когда-то') отвечает внутренним потребностям говорящего, его намерениям. Действие, выраженное глаголом 'старался', выделяется интенсификатором 'всеми силами', который увеличивает меру прилагаемого напряжения. Тем не менее такой тип поведения не приводит к нужному результату, а сопровождается ощущением драматизма в условия настоящего времени (ср.: синтаксема 'жалкая видимость' эксплицирует отрицательную оценку):

«Я всеми силами старался жить хотя бы в некоторой мере так, как жил *когда-то*, но все дни мои уже давно превратились только в жалкую видимость моей прежней жизни» [Там же, с. 397-398].

Обозначенные положительные свойства, которыми наделяется субъект речи, соотносятся в реалиях прошлого (маркер 'когда-то') и настоящего (маркер 'до сих пор') времени, находятся в неизменном состоянии. Слово 'хорошенькая' с уменьшительно-ласкательным суффиксом, ряд однородных попарных членов, объединенных союзом 'и' и выраженных краткими прилагательными, а также глаголы с приставками 'при-', 'под-', которые подчеркивают степень смягчения способа действия, создают условия для актуализации положительных показателей, определяющих характеристику субъекта речи:

«Она была *когда-то* хорошенькая, имела множество поклонников, *до сих пор* весела и бойка, на язык остра и находчива, отбрызгивать может всякого с редкой логикой, тонка и моложава, на вечеринки принаряжается, поддвигает кудряшки на лбу» [Там же, с. 422].

2. Прошлое и настоящее время воспринимается говорящим посредством эмоций, оценок.

Прошлое время (маркер 'когда-то') расценивается как радостное, вызывающее удовольствие (ср.: включается словосочетание 'дни сказочные' в уточняющей функции), и предмет речи тогда производил на говорящего положительное впечатление (ср.: качественное значение заключено в словах 'тонконогий' (сосунок), 'шелковисто' (кудрявилась репка хвоста)). Такой отрезок прошлого времени возникает в сознании говорящего в настоящее время, когда его ощущения имеют негативную окраску (ср.: об этом свидетельствуют лексема 'страшное', а также слова с элементами 'бес' и 'без': 'бессовестно', 'без спросу', 'без моего разрешения', которые интенсифицируют переживание автора):

«В загадочности и безучастности всего окружающего было что-то даже *страшное*. Я смотрел на шею Кабардинки, на ее гриву <...> на всю эту поднятую конскую голову, *когда-то*, в дни сказочные, порой говорившую вещим голосом...» [Там же, с. 402];

«...одну борону влек по сухим комьям сухого чернозема гнедой стригун, *когда-то*, еще тонконогим сосуном, у которого еще шелковисто кудрявилась репка хвоста, подаренный мне, а *теперь* бессовестно, без спросу, без моего разрешения, уже пущенный в работу» [Там же, с. 308].

Воспоминание о событии отразилось в сознании говорящего как момент сильного переживания, обусловленного произнесенными словами, смысл которых раскрывает трагическую картину. Такая эмоциональная модель поведения объясняется наличием чувственного опыта, заложенного в человеческой природе в неопределенные прошлые времена (маркер 'когда-то'):

«Помню страшные слова: надо немедленно дать знать становому, послать стеречь “мертвое тело”... Почему так страшны были эти совершенно для меня новые слова? Значит, я их уже знал *когда-то*?» [Там же, с. 283].

Обладание субъектом специфическим признаком эмоциональности (ср.: 'повышенная впечатлительность') определяется существованием ситуации прошлого (ср.: 'когда-то'), временные отрезки которого трактуются созданными понятиями 'отец, мать' – 'дед, прадед', выполняющими «выделительную функцию» [2, с. 271]. Состояние переживания как значительно сложный физиологический компонент последовательно, на уровне

родственного опыта, передается от участников ситуации к субъекту речи и осознается им в рамках заданного времени (ср.: 'от рождения'). Говорящий углубляется в мир прошлого, чтобы соотнести жизненные временные отрезки и оценить проявляемые в них скрытые смыслы:

«Повышенная впечатлительность, унаследованная мной не только от отца, от матери, но и от дедов, прадедов, тех весьма и весьма своеобразных людей, из которых *когда-то* состояло русское просвещенное общество, было у меня от рожденья» [4, с. 288].

Интенсифицированное (ср.: маркеры 'верно', 'точно') ощущение и понимание картины прошлого (ср.: 'древняя жизнь') несут в себе смысл исторической памяти, которая коррелирует представления говорящего с кодом неопределенного прошлого (ср.: 'когда-то'). В символической модели прошлого времени, в котором отражается коллективный человеческий опыт, говорящий находит подтверждающий ответ на свой заданный вопрос. Именно в прошлом времени можно найти исходный момент для объяснения положения дел настоящего:

«Я посетил на своем веку много самых славных замков Европы и, бродя по ним, не раз дивился: как мог я, будучи ребенком, мало чем отличавшимся от любого мальчишки из Выселок, как я мог, глядя на книжные картинки и слушая полоумного скитальца, курившего махорку, так верно чувствовать древнюю жизнь этих замков и так точно рисовать себе их? Да, и я *когда-то* к этому миру принадлежал» [Там же, с. 293].

Микромир говорящего проникнут влиянием сильных чувств, которые актуализируются фразеоконструкцией 'у меня мурашки бегут по телу': «Мечтая о посвящении в рыцари... я чувствовал, как у меня мурашки бегут по телу» [Там же, с. 292]. Такое проникновенное ощущение переживаний позволяет говорящему обозначить подчиненность своего значительного момента жизни на каком-то особом уровне тому далекому (маркер 'когда-то') миру: «Думаю, что и я *когда-то* принадлежал» [Там же, с. 293].

Чувство, пережитое в прошлом, обогащает духовные ощущения человека, изменяет их. Маркер 'когда-то' указывает на ситуацию неопределенного прошлого времени, связанную с субъективным представлением о пережитом чувстве (ср.: 'влюбленность'). Ассоциативно-образное чувство является средством для создания градационных оценочных смыслов, выраженных именами прилагательными (ср.: 'мимолетное', 'легкое', 'таинственное', 'прекрасное'). Чувство, возникшее в реалиях настоящего времени, предопределяется прошлым жизненным опытом, соизмеряется иным видением и отличается другими качествами (ср.: 'мужское', 'телесное'). Чувства, характерные для прошлого и настоящего времени, сопоставляются, имеют ту или иную выраженность:

«Впервые в жизни я вдруг почувствовал... влюбленность, уже совсем не похожую на то мимолетное, легкое, таинственное и прекрасное, что коснулось меня *когда-то* при взгляде на Сашку, а потом... – но уже и нечто мужское, телесное» [Там же, с. 335-336].

3. Восприятие неопределенного прошлого времени ориентировано на представление пространства, значение которого выражается именами существительными.

По названным местам, вмещенным в модель прошлого времени, можно говорить и об их параметрах, соответствующих определенному ранжиру: государство – город – имение – монастырь – острог и поле – тракт – дорога – улица – ухабы. «Пространство доступно непосредственному восприятию, и его модели в обыденном сознании устойчивы» [3, с. 695].

Воспоминания о прошлом связаны с историческими мотивами, которые раскрываются на фоне конкретного места. Фрагмент прошлого времени находится в активе сознания говорящего, коммуникативно значим с точки зрения осмысления картины мира.

Во вставной конструкции заключено дополнительное замечание о бытовании предмета речи, который имел свое предназначение в прошлом времени (маркер 'когда-то') и в обозначенном месте, названном именем существительным 'Россия':

«Чуть не все подъезжавшие мужчины были в формах, – много форм было *когда-то* в России, – и все были вызывающе возбуждены своими чинами, формами...» [4, с. 471].

Время и пространство актуализируют отрицательную семантику события (ср.: 'страшный пожар'), неблагоприятно отразившегося на положении дел объекта речи. Используемые формы неопределенных местоимений (ср.: 'каком-то', 'какие-то', 'каких-то') выражают скрытые смыслы, которые не ясны для говорящего. Представление о неопределенном прошлом времени (ср.: 'когда-то') усиливается с помощью лексемы 'старина', подчеркивающей движение в давно ушедшее время, которое соотносится с данным местом (ср.: 'Смоленск' – 'там'):

«Смоленск вечно горел *в старину*... там *когда-то*, при каком-то страшном пожаре, погорели *какие-то* древние грамоты нашего рода, отчего мы лишились *каких-то* больших наследных прав и родовых привилегий...» [Там же, с. 498].

Сосредоточенность на фрагменте жизни из неопределенного прошлого (ср.: 'когда-то') обусловлена интересом к миру предмета речи, позитивной оценкой его действий: оценка вводится через глагол 'нравился' и интенсифицируется посредством сочетания 'больше всего'. В высказывании локальный компонент (ср.: 'Севастополь') сопровождается неопределенным местоимением 'какой-то', которое указывает на неизвестный вид пространства для говорящего:

«...он мне уже нравился... больше же всего, кажется, тем, что был он *когда-то* на войне в *каком-то* Севастополе...» [Там же, с. 271-272].

Воспоминания ориентированы на показатель места, где реализовались те или иные действия в неопределенном временном измерении. В высказывании актуализируются названия локализованного пространства

(ср.: 'Москва') и пространственной проекции (ср.: 'леса за Волгой') и соответствующие им отрезки неопределенного прошлого времени, обозначенные маркерами 'когда-то' и 'одно время':

«Он рассказывал... о *Москве*, где он когда-то учился, о дремучих, медвежьих *лесах за Волгой*, где он *одно время* скитался» [Там же, с. 289].

Ориентация в пространстве определяет в сознании говорящего необычную ситуацию, которая находится в рамках прошлого времени и имеет отрицательный ценностный потенциал. Это подтверждается использованием специальных слов (ср.: 'острог', 'мрачный узник', 'железная решетка'), которые выражают показатель положения дел. Прошлое время (ср.: именуется словом 'далекий'), которое конкретизируется маркером 'осенний день', соотносится с широким пространством (ср.: 'город'), а неопределенное давнее время (ср.: 'когда-то') – с суженным (ср.: 'острог'). Степень проявления окружающих действий в пространстве вычленяет фрагменты прошлого времени:

«...вспоминался мне... тот *далекий осенний день*, когда привезли его два бородатых жандарма *в город*, в тот самый *острог*, где так поразил меня *когда-то* мрачный узник, глядевший из-за железной решетки на заходящее солнце...» [Там же, с. 342].

Воспоминания о конкретном месте (ср.: 'имение', 'монастырь'), просматриваемые сквозь призму прошлого времени (ср.: маркер 'когда-то'), зафиксированы как часть, во-первых, невозвратимого ушедшего бытия, но актуального в микромире говорящего:

«В *этом* имении я бывал впоследствии много раз. *Оно когда-то* принадлежало нашей матери» [Там же, с. 341];

во-вторых, исторических событий, раскрывающих свою качественную определенность через интенсивность отрицательных действий (ср.: 'осаждали', 'брали приступом', 'жгли', 'грабили'):

«Я же, думая о *монастыре*, вспоминаю... о том, что *когда-то* его не раз осаждали, брали приступом, жгли и грабили татары...» [Там же, с. 325].

Прошлое время репрезентирует местонахождения, которые выстраиваются на оси вперед по способу перемещения предмета речи. Центром пространства является дорога (путь) (ср.: используется локализатор, выраженный именем собственным 'Чернавская'), на которой располагаются обозначенные пункты и разворачивается движение. В изменяющейся структуре этого пространства (ср.: Чернавская дорога, путь = (эти) места – низы – (наш) город – Москва) развивались действия негативного характера, о чем свидетельствует контекстный показатель 'дотла разорил':

«...меня везли в гимназию, – по новой для меня, *Чернавской дороге*... Он сказал, что *этими местами* шел *когда-то* с низов на *Москву* и по пути дотла разорил *наш город* сам Мамай...» [Там же, с. 312].

Значение неопределенного прошлого времени ('когда-то') усиливается посредством включения уточняющего члена 'заветный час' с семантическим компонентом 'неизвестное время'. Прошлое время ограничивается обозначенным избирательным отрезком ('свой час'), который соответствует реализации заданного плана в определенном пространстве. Пространство обладает особым измерением: большим количеством ('много мест'), немалым количеством и незначительной величиной (ср.: 'буераки', 'водомино'), отдельной небольшой частью поверхности (ср.: 'под дорогу') и большой протяженностью ('тракт'). В сознании говорящего время и пространство приобретают отрицательный смысл на фоне властвующей действительности (ср.: 'молодцы выходили ночью на плач колокольчика и стук телеги'):

«*Много* было на Чернавском *тракте* славных *мест* – таких, где *когда-то*, в свой *заветный час*, из разных потаенных *буераков* и *водомино*, выходили *под дорогу* добрые молодцы, чутким ухом заслышав в ночной тишине дальний плач колокольчика или стук простой телеги...» [Там же, с. 313].

Созерцание знакомого пространства (Успенская улица – сад – дом гимназии), которое занимает доминантное положение по отношению к прошлому времени ('когда-то'), способствует пробуждению глубоких ощущений, символизирующих о чем-то вечном, постоянном и в то же время невозвратном и так сильно отражающихся на человеческой жизни. Энергетический сигнал, пробившийся из прошлого в настоящее, хорошо узнаваем. Движение в открытом пространстве будоражит эмоциональную память, которая «оживляет следы ранее пережитого» [10, с. 43]:

«...проходя по *Успенской улице мимо сада и дома* гимназии, ловил я что-то как будто близкое душе, *когда-то* пережитое» [4, с. 454].

Обращает на себя внимание ряд знаков неопределенности, введенных словом 'почему-то' и однородными членами предложения. В необъяснимом непрерывном (ср.: 'все' указывает на момент повторяемости) мыслительном акте соотносятся неопределенное прошлое время ('когда-то'), неопределенность пространства и предметов речи (ср.: 'где-то', 'какие-то'), которые создают картину неконкретизированных реалий. Между тем модель неопределенного пространства ограничивается обобщенным представлением о месте, которое оценивается как универсальное. Ощущение пространства является субъективным, вмещающим в себя локализацию от менее узких (ср.: 'с ухаба на ухаб') до более широких (ср.: 'лесные дороги') объектов, которые обозначены в большом количестве:

«...и мне *все почему-то* думалось: вот так *когда-то*, *где-то*, *какие-то* славянские мужики "волоком" перелопачивали с *ухаба на ухаб по лесным дорогам* свои обремененные кладью ладьи» [Там же, с. 532].

Пространственные компоненты 'поле – небо' выражают противопоставление 'низ – верх', формируют структуру воспоминаний, способствуют категоризации действительности. Для обозначения реального пространства используется производное от имени собственного 'тамбовский'. Ширина пространства порождает

переживание, которое свидетельствует о степени восприятия прошлого ('когда-то'). Показатель неопределенного количества 'такой', семантика словосочетания 'необыкновенная сила' демонстрируют интенсивность эмоционального состояния говорящего в объективной ситуации:

«В тамбовском поле, под тамбовским небом, с такой необыкновенной силой вспомнил я все, что я видел, чем жил *когда-то*, в своих прежних, незапамятных существованиях...» [Там же, с. 294].

Пространственные отношения имеют признак глубокого смысла – эмоциональное напоминание о прошлом (ср.: маркер 'когда-то'). Закономерное расположение мест подчеркивает соотношение их размеров – от большого к малому. Внутри известного ограниченного пространства (ср.: 'буфет') находится чрезвычайно значимое по ощущениям место бытийного значения (ср.: 'стол'). Местоименно-соотносительное слово актуализирует постпозиционное существительное, которое объективирует конечное местонахождение, порождающее в человеческом сознании неускользаемые, волнующие фрагменты жизни в рамках давнего времени:

«Я стою, думаю о *буфете*, куда не могу пойти, – там *тот стол*, за которым мы *когда-то* сидели с ней» [Там же, с. 533].

Таким образом, слово 'когда-то' входит в структуру высказывания, выполняет в нем актуализованную функцию, обозначая время, которое фиксирует момент неопределенного прошлого. Лексическая единица ориентирована на контекст, на «культурно-исторический опыт говорящих и слушающих» [1, с. 3]. В такого рода отношениях особое значение приобретает роль говорящего, порождающего высказывание, в котором какая-то часть информации не вербализуется. В высказывании значение неопределенного прошлого времени реализуется в условиях, когда существует момент настоящего времени, проявляется характер эмоционального состояния, оценочных и пространственных отношений. Данные показатели представлены соответствующими языковыми средствами.

Неопределенное прошлое время открывает глубинные смысловые категории в определении специфики человеческого мышления, отражает когнитивное своеобразие языка и явно имеет иные средства выражения, которые могут стать предметом дальнейшего изучения.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Семантическая и смысловая структуры языковых единиц // Семасиологические аспекты значения: сб. науч. тр. / науч. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. Волгоград: Перемена, 1997. С. 3-15.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева: роман // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Правда, 1988. Т. 3. С. 265-536.
5. Караулов Ю. Н. Языковое время и пространство // Вестник Московского университета. Серия «Филология». 1970. № 1. С. 61-73.
6. Потаенко Н. А. Категория времени и ее выражение в лексико-семантической системе языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1980. 18 с.
7. Снежинская Г. В. Пространственная и временная локализация в глагольных бытийных предложениях научных текстов // Лингвистические исследования: сб. ст. М.: Моск. гос. пед. ин-т, 1986. Вып. 1. Взаимодействие лексических и синтаксических единиц. С. 192-198.
8. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
9. Шаповалова Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке: монография. М.: МПУ, 2000. 151 с.
10. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд-е 3-е. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 208 с.
11. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 343 с.

ROLE OF THE WORD “КОГДА-ТО” (ONCE) IN THE STATEMENT (BASED ON THE NOVEL “THE LIFE OF ARSENEV” BY I. A. BUNIN)

Sviridova Tamara Mikhailovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Bunin Yelets State University
kafedra.tirj@mail.ru

The article discusses the fragments of the indefinite past tense, which are associated with a speaker's memories. The purpose of the work is to determine the role of the word “*когда-то*” (once) in statements extracted from a fiction text. The obtained results show that the word “*когда-то*” expresses the meaning of the indefinite past tense in the statements that mark the significance of the present tense plane, emotional and evaluative components, as well as space configuration. The novelty of the work lies in identifying the features of the functioning of the word “*когда-то*” in the communicative-pragmatic aspect.

Key words and phrases: statement; indefinite past tense; present tense plane; emotional component; spatial dimension.